с Галичем и Костромой: «И попусти на него такова же врага и законопреступника, Росийския же области града, завомаго Галича, от младыя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева... Той же Юшка остася после отца своего млад зело с матерью своею и научен бысть от нея божественому писанию. Егда же изучи точию часовник и псалмы Давыдовы, и отъиде от матери своея» (л. 9—9 об.). Заметим, что такого подробного рассказа о детстве Самозванца нет ни в правительственных грамотах, ни в других русских сказаниях. Далее в Повести говорится, что, перед тем как бежать в Литву, Гришка Отрепьев «вселися в пределех града Костромы во общее место в монастырь Иоанна Предтечи на Железном Борку» (л. 10 об.). Во всех известных источниках, кроме Пискаревского летописца (Сказание Катырева-Ростовского, Новый летописец, Посольский наказ от 8 июня 1606 г. и т. д.), этот монастырь называется галичским. В Пискаревском летописце говорится, что монастырь расположен в Костромском уезде.[9] Волость Железный Борок находилась между Галичем и Костромой, и для современников, которые знали лишь то, что Гришка Отрепьев родом из Галича, было естественно и монастырь отнести к этому городу.[10] Вопрос о местоположении монастыря разрешает надпись, сделанная на служебной минее из собрания Мазурина (ЦГАДА, ф. 196, № 1607) в 1535 г.: «Лета 7043[-го] написана бывша книга сия... в монастыре на Борку Железном в Костромском уезде у Ивана Предтечи и у Николы сюдотворца... повелением и строением игумена Нифанта Иванова, сына дьякова, галичанина... а писал Евтихей Иванов сын, галичанин».[11]

В этой связи примечательно, что книгохранителем монастыря в начале XVII в. был инок Стахий, костромитин (умер в 1609 г.).[12] В это время в библиотеке Троице-Сергиева монастыря было уже несколько сот книг, причем она постоянно увеличивалась за счет вкладов и переписки книг монахами. Так, по свидетельству Симона Азарьина, преемник Стахия книгохранитель Дорофей написал «много книг своея руки».[13] Одна из этих книг, Четвероевангелие, сохранилась в фонде библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, ф. 304, № 69). Книгохранители назначались не по чину, а по способностям, ими могли быть монахи, иеромонахи, дьяконы и иеродьяконы. Книгохранители могли принимать участие в литературной деятельности монастыря. Например, книгохранитель Антоний Крылов[14] был ближайшим помощником Дионисия в правке богослужебных книг, а затем членом «правильни» московского печатного двора. В свете сказанного вполне допустимо, что автором Повести мог быть троицкий библиотекарь инок Стахий, возможно, знакомый с костромским Железноборским монастырем и с галичскими Отрепьевыми не только понаслышке.

Создание Повести тесно связано с канонизацией царевича Димитрия. Мысль о новом святом оформилась у правительства не сразу. Первые грамоты бояр[15] (май 1606 г.) и Василия Шуйского от 20 мая 1606 г.[16] обходят молчанием смерть царевича Димитрия. Но уже 21 мая в грамоте

---

[9] Монастырь позднее относился к Костромской епархии, см.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877, стр. 871.

[10] А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов 1678 г. — ИА, т. IV, М.—Л., 1944, стр. 109 и 120.

[11] Эту запись любезно сообщил нам В. Д. Назаров, за что мы выражаем ему глубокую благодарность.

[12] См.: Иеромонах Арсений. Описания славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой лавры. М., 1878, стр. VII.

[13] Там же, стр. VI.

[14] См. о нем: Д. Скворцов. Дионисий Зобниновский. Тверь, 1890, стр. 196

[15] СГГД, ч. 2, М., 1819, № 142.

[16] ААЭ, т. 2, СПб., 1836, № 44.